

Дедушкины
медали

«За оборону
Москвы»

*Сергей
Алексеев*

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ МОСКВУ

издательство «малыш»

1975

Сергей Алексеев

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ МОСКВУ

Рисовал Юрий Копейко

Многими боевыми орденами и медалями награждает наша Родина своих героев.

На одной из медалей изображена Красная площадь, Кремлёвская стена, танк и фигуры бойцов с винтовками наперевес, устремившиеся вперёд на врага.

Человек, награждённый такой медалью, участник Великой Московской битвы.

Летом 1941 года на нашу Родину напали фашисты. Они пытались прорваться к Москве. Сражение за Москву происходило осенью 1941 и в начале зимы 1942 года. В жестоких боях фашисты были разбиты и отступили.

О некоторых боевых эпизодах Великой Московской битвы и её участниках и написаны эти рассказы.

Дедушкины
медали

«За оборону
Москвы»

ПЕРВЫЙ НОЧНОЙ ТАРАН

Ночь. Подмосковная. Тихая. Лунная. Кое-где мирно плывут облака. Бежит луна от облака к облаку. Вот застеснялась. Спряталась. Вновь показалась. Побежала жёлтым утёнком дальше.

Ночь. Тишина. И вдруг прожекторы, как пики, кольнули небо, заухали зенитки. В воздухе был противник.

Наблюдатели обнаружили приближающийся к Москве фашистский бомбардировщик.

Младший лейтенант Талалихин получил приказ уничтожить врага. Через две минуты лётчик был в воздухе.

Быстро ползёт стрелка прибора, показывающего высоту. Триста метров, пятьсот, вот тысяча. Всё выше и выше ползёт стрелка. Для лётчика-истребителя важен запас высоты. Сверху и атаковать неприятеля лучше. Сверху и всё виднее. Две тысячи метров, три. Всматривается Талалихин в небо. Нет, нигде не видно врага. Ещё выше идёт самолёт. Четыре тысячи метров. Четыре с половиной. Вновь осмотрелся кругом Талалихин. Всё так же по небу бежит луна. Всё так же темно за бортом.

И вдруг слева чуть впереди увидел Талалихин какой-то отблеск. Всмотрелся — опять блеснуло. Лунным светом мигнул металл. Всё ясно. Враг рядом. Враг найден. Вот уже виден и весь самолёт врага.

Схватил Талалихин фашиста в прицел. Нажал на гашетку. Точно стрелял Талалихин. Первая же очередь догнала фашиста. Тронули пули правый мотор врага. Пламя мотор охватило.

Ранен фашист, но не сбит. Скользит на крыло он, срывает пламя. Вот, вот и вовсе огонь собьёт. Прибавил машине скорость. Бросает машину то влево, то вправо. Хочет оторваться, уйти хочет от советского лётчика. Опасный ас попался. Несколько заходов уже сделал Талалихин. Никак не добьёт врага. Уходит противник.

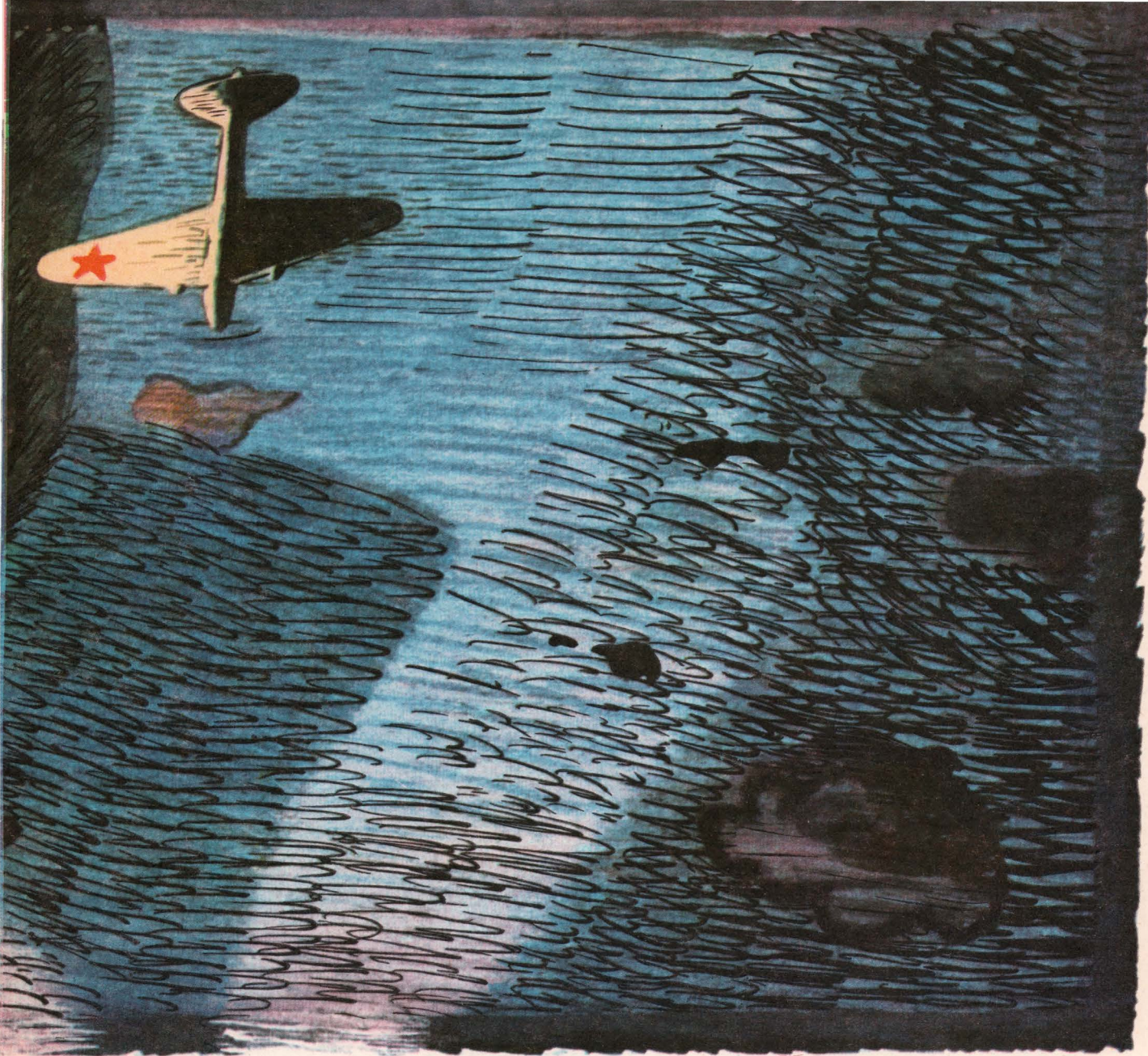
Вновь для атаки зашёл Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулемёты. Расстрелял все патроны лётчик.

Уходит противник. И тут...

— Не уйдёшь! — прокричал Талалихин.

Бросился Талалихин вслед фашистскому самолёту. Огрызнулся фашист огнём. Лучами метнулись пули. Обожгли руку советскому лётчику.

Сжал Талалихин от нахлынувшей боли зубы. Однако штурвал из руки не выпустил.

— Не уйдёшь!

Ещё ближе к врагу подошёл Талалихин. Вот совсем рядом. Совсем рядом хвост фашистского бомбардировщика. Нажал Талалихин на рычаги. Дал полный газ. Пошёл на таран — со всей силой врезался в самолёт противника. Вспыхнул фашист, как факел. Рухнул, как камень, вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолёт Талалихина. Пришлось лётчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился на землю.

За свой подвиг младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза.

По сто, по двести самолётов в день посылали фашистские генералы на Москву. Но советские лётчики и зенитчики, бойцы противовоздушной обороны зорко охраняли столичное небо.

ЧЕСТЬ И СЛАВА

Молод солдат Тетерин. Молод и зелен. Считает, что подвиг можно совершить только на поле боя. Да не только один Тетерин — многие так считают. И лишь старшина Демиденко другого мнения:

— Смелому всюду пути к почёту. Смелому всюду честь и слава.

Служит Тетерин в Москве, при важном военном объекте, в охранной роте. Какая же слава в охранной роте!

— Вот так солдатекая служба! Хуже подобной нет. Хуже придумать трудно.

Твёрдо в этом уверен Тетерин. Да и другие того же мнения. И лишь старшина Демиденко снова и снова твердит своё:

— Не служба солдата красит. Службу красит собой солдат. Смелому всюду пути к почёту. Смелому честь и слава.

Когда фашисты стали бомбить Москву, охранная рота, в которой служил Тетерин, помимо караульной службы, получила и новое задание — вести борьбу с пожарами от зажигательных бомб.

Не только солдаты, но и тысячи мирных московских жителей боролись тогда с огнём: вступали в пожарные дружины, создавали наблюдательные посты, учились гасить зажигательные бомбы.

В одну из сентябрьских ночей рядовой Тетерин нёс дежурство на крыше большого здания. Это был один из важных военных объектов. В эту ночь произвели фашисты новый налёт на Москву.

Смотрит Тетерин в тёмное московское небо.

Все окна в домах глухо зашторены.

Не горят на улицах фонари.

Ночь. Тишина.

И вдруг страшно завывли сирены. И сразу же, вначале где-то далеко, едва слышно, а затем всё ближе и ближе, заговорили зенитные пушки.

Прямо над головой у Тетерина вспыхнули мощные прожекторы, рванули огненными мечами чёрное небо.

Закинул Тетерин голову вверх. Смотрит. Слышит гул фашистского самолёта. Соображает: где тот сейчас, в каком направлении движется. И вдруг что-то совсем рядом свистнуло. Ударило. Пробило крышу.

Обомлел от неожиданности Тетерин. Постоял мгновение. Наконец сорвался с места. Бросился к пролому в крыше. Спрыгнул на чердак.

На чердаке — фашистская бомба. Зажигательная. Всё ярче и ярче, рассыпая в стороны огненные брызги, разгоралась она...

Вновь на секунду замер Тетерин, глянул по сторонам. Нужен песок, лопата. Да не оказалось песка рядом.

Бросился тогда солдат к бомбе. Начал топтать бомбу сапогами. Да разве затопчешь.

Схватил солдат каску. И снова — к бомбе. Прикрыл её каской. Мала солдатская каска. Разве укроешь бомбу.

Летят искры по-прежнему в разные стороны.

Вновь на секунду замер солдат. И вдруг навалился грудью, упал на бомбу. Телом прижал солдатским.

Потушил Тетерин фашистскую бомбу.

Спас военный объект от пожара.

Когда увозили солдата в госпиталь, переносили бережно на руках, приоткрыл он глаза, увидел друзей по охранной роте.

— Герой! — услышал Тетерин слова командира.

— Герой! — отозвались друзья по охранной роте.

Прав старшина Демиденко. Смелому всюду пути к почёту. Смелому всюду честь и слава.

Тысячи зажигательных бомб обезвредили защитники Москвы в суровую осень 1941 года — и солдаты, и дружинники противовоздушной обороны, и старики, и дети. Сберегли Москву от огня и пожаров.

ТУЛЬСКИЕ ПРЯНИКИ

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

На западе, на севере, на юге идут суровые бои за Москву.

С юга Москву прикрывает Тула.

Устремились фашисты к Туле.

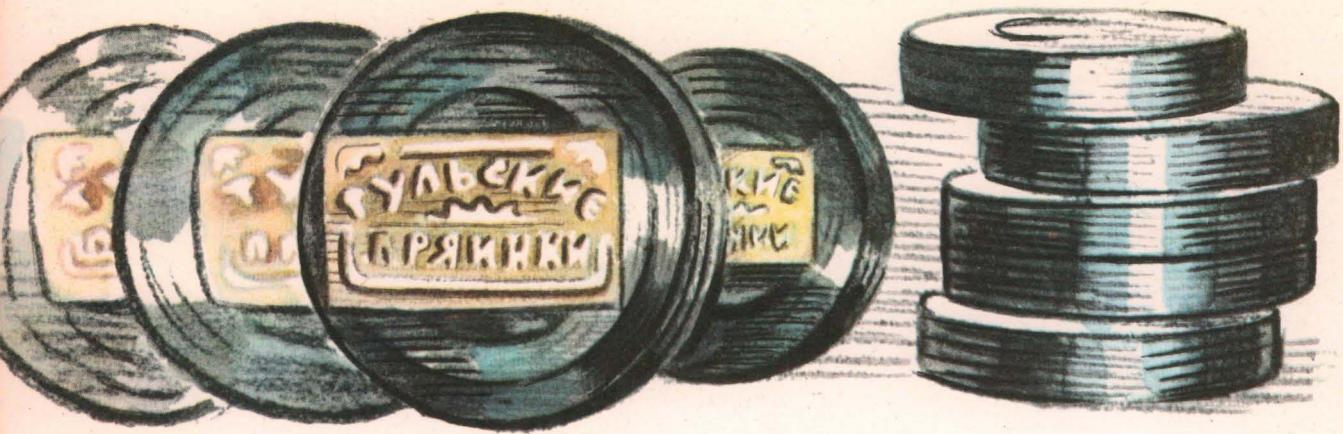
Мало здесь наших войск.

На защиту города поднялись рабочие батальоны.

Мало боевой техники.

Тогда тульские рабочие на фабриках и заводах наладили производство вооружения.

На одном предприятии освоили выпуск противотанковых мин. Помогали изготавливать мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики.

Среди помощников оказался и ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренёк, находчивый и весёлый. Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники.

Взял Ваня наклейки. Подошёл к готовым минам. Наклейки на мины — шлёп, шлёп.

Читают рабочие — на каждой мине написано «тульский пряник».

Смеются рабочие:

— Вот так фашистам сладость!

— Фрицам хорош гостинец!

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят сапёры на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах — «тульский пряник».

Смеются солдаты:

— Ай да сюрприз фашистам!

— Ай да гостинец фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждём новую партию «тульских пряников».

И вот наступил день, когда фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах подрывались танки.

100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Всё, что из Тулы приходило теперь на фронт — снаряды и пули, миномёты и мины, стали называть они «тульскими пряниками».

Неделю, вторую штурмовали фашисты Тулу. Да всё напрасно. Штурмовали и после. И тоже безрезультатно.

Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» — хороши.

ТРИ ПРИЯТЕЛЯ С ВОЛХОНКИ

Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки.

В дни, когда фашисты подошли к Москве, тысячи москвичей поднялись на защиту родного города. Тысячи взяли винтовки в руки и вступили в ряды Советской Армии. Тысячи других стали помогать армии в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стал к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра — брата, старики — сыновей, подростки — своих отцов.

Круглые сутки, в три смены, работали московские заводы: выпускали гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые ежи, железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много-много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и стали работать трое друзей.

Вот идут они с работы.

Вот встречают их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трёх друзей. Вот кричат привет мальчишки:

— Здравствуй, Гошка! Здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька! Привет!

Улыбаются ребята:

— Нас не трое, нас четыре.

— Где четыре? Как четыре?! — поражаются мальчишки. — Где четыре, если три?!

— Нет, четыре, нет, четыре, — отвечают им ребята.

Вновь идут они с работы.

Ждут мальчишки на Волхонке. Озорно кричат мальчишки:

— Здравствуй, Гошка! Здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька! Привет!

Усмехаются ребята:

— Нас не трое — целых шесть!

Поражаются мальчишки:

— Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?!

Вновь идут они с работы — три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька — Гошка, Витька и Алёшка.

Вновь мальчишки на Волхонке им кричат салют-привет.

— Здравствуй, Гошка! Здравствуй, Витька! Здравствуй, Лёшенька! Привет!

Усмехаются ребята.

— Девять нас! — кричат ребята.

Поражаются мальчишки:

— Где же девять, если три?!

Все же видят на Волхонке. Не слепые на Волхонке. Их не девять — только три.

Задержались чуть ребята. Укротили быстрый шаг. Обступили их мальчишки:

— Где же девять?! Где же девять?!

Достают ребята книжки — их рабочий документ. В книжках нормы, в книжках цифры. Сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот ещё графа — процент. Сто, сто тридцать, двести, триста.

— Ого-го! — шумят мальчишки. Ясно каждому мальчишке — тут работа за троих.

— Девять их, конечно, девять! Арифметика проста.

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алёшка — три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки — лет военных пареньки.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

1941 год. 7 ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Но в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день, как всегда, в Москве, в честь великого праздника на Красной площади состоялся военный парад.

Когда солдату Митрохину сказали, что он и вся часть, в которой служил Митрохин, будут принимать участие в параде на Красной площади, не поверил вначале солдат. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял. Какой же парад в такое время?!

— Парад! — объясняет ему командир. — Торжественный, на Красной площади.

— Так точно — парад, — отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади.

И слева стоят от него войска.

И справа стоят войска.

Руководители партии и члены правительства на Ленинском Мавзолее. Всё точь-в-точь, как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил.

Замер в строю Митрохин. Понимает — рядом с Москвой война. Сердце щемит от боли.

8 часов утра.

Сошлись стрелки часов на Кремлёвской башне. Отбили куранты время.

Минута. Всё стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравляет с годовщиной Великого Октября. Опять всё стихло. Ещё минута. И вот, вначале чуть слышно, а затем всё громче и громче, зазвучали слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР товарища Сталина.

Слышит солдат Митрохин, как говорит Главнокомандующий, и соглашается: да, не в первый раз нападают на нас враги. Были в истории молодой Советской республики и более тяжёлые времена. Первую годовщину Великого Октября встречали окружёнными со всех сторон захватчиками. Против нас тогда воевало 14 капиталистических государств, и мы потеряли три четвертых своей территории...

— Но мы не унывали, не падали духом, — говорил Сталин. — Советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков, как на своих освободителей...

«И на меня, значит, — думает рядовой Митрохин, — и на всех солдат, на всю армию нашу».

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, строже. Подтянулись, суровее, строже стали солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — долетали сквозь мороз слова. — Будьте же достойны этой миссии!

Да, он, все его товарищи будут достойны...

Ещё суровее стал Митрохин. И другие солдаты тоже.

— Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая...

И вслед за этим услышал Митрохин слова:

— Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!..

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска.

Шла пехота...

Шла артиллерия...

Кавалерийские части прошли по площади...

Прогремели металлом танки...

И всё это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час казалось Митрохину, всем солдатам почти чудом. И, как в сказке, всё это, возникнув здесь, в центре Москвы, снова ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и России, всего Советского Союза, всего мира.

Шли солдаты

Шёл рядовой Митрохин.

А рядом шагала песня:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идёт война народная,
Священная война.*

ОРЛОВИЧ- ВОРОНОВИЧ

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперёд фашисты.

Как-то после боевого, тяжёлого дня собрались солдаты в солдатской землянке, заговорили о подвигах. О лётчиках речь, о танкистах — вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не лётчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок скорее солдат. Где уж такому мечтать о подвиге. И вдруг...

Порвали фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идёт Воронович, пробирается лесом, полем и вот... У овражка, у прошлогоднего стога сена стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилёт Воронович на землю. Зорче ещё всмотрелся. Видит, у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат: привал у врагов. И верно — достали фашисты еду, уминают колбасу с хлебом.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка. Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилось сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд, вперёд!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Не мешкай!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд врагов!» А мысли одна за другой:

«Смелее, солдат, смелее. Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты:

— Один — и полонил четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! — смеялись солдаты. — Не Воронович ты вовсе! Нет! Есть ты у нас Орлович!

**ЗНАЙ
НАШИХ!**

Фашисты рвутся и рвутся к Москве. Не утихают кругом бои...

Было это к северу от Москвы.

Одна из советских стрелковых рот срочно меняла позиции. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их — сотни, а то и тысяча. Готовятся к новой атаке.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

— Э-эх, рвануть бы сейчас картечью!

— Верно — картечью, — подтвердил второй.

— Да, картечью бы в самый раз, — согласился кто-то третий.

Размечтались солдаты.

— Эх, пушку бы сюда, — произнёс один.

Второй добавил:

— А к ней — снаряды.

— И смелых ребят к орудию...

Мечтают солдаты. И вдруг... С той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Явилась она, как птица.словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Протёрли глаза солдаты — считай, мерещится. Нет! Всё настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

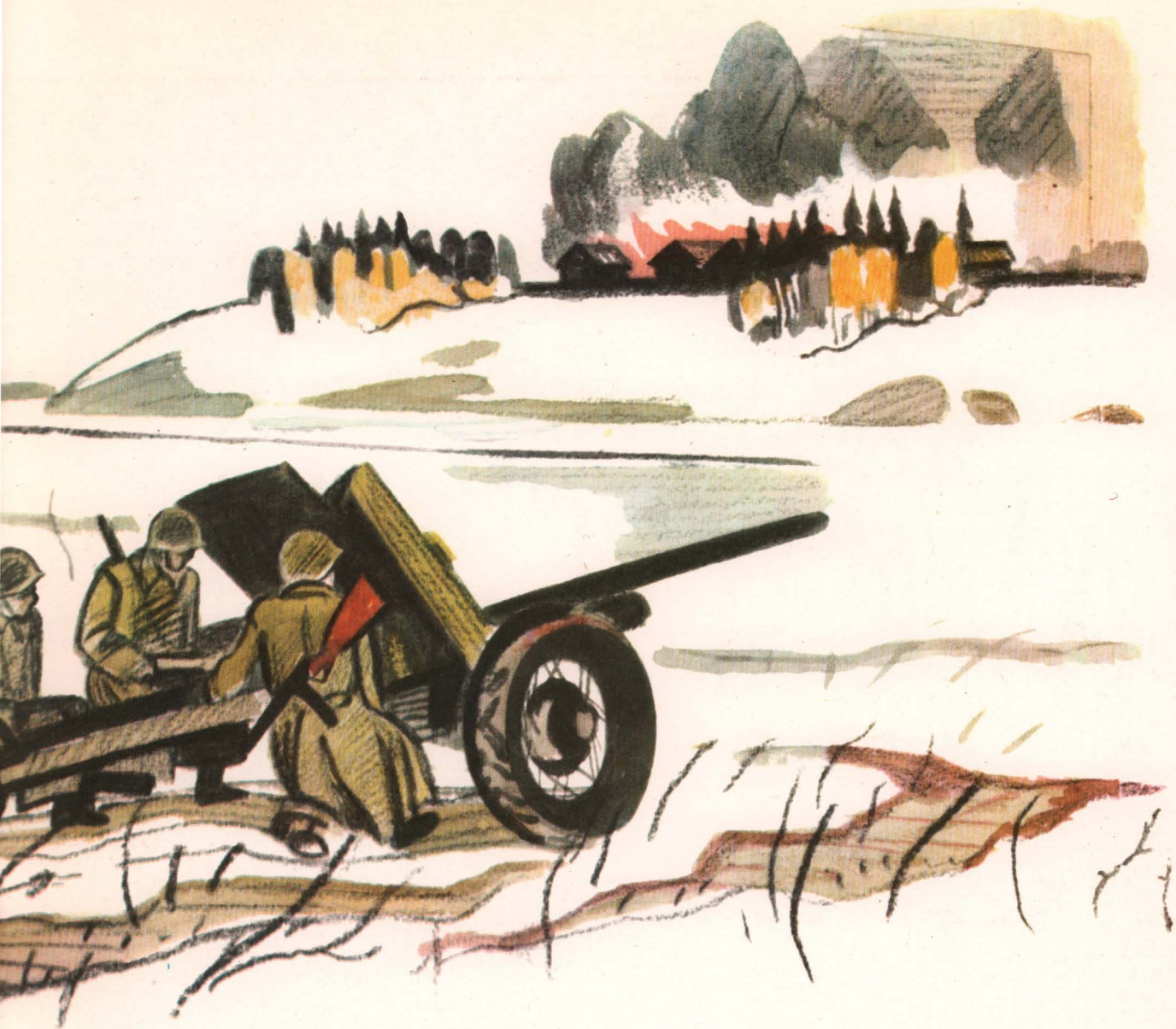
Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей, на полном карьере слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают, куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались — упряжка рядом. Развернули солдаты пушку.

— Ну, знай наших! — прокричал офицер. — Огонь!

Ударила картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

— Знай наших! Знай наших! — снова прокричал офицер. — Огонь! Третий выстрел. Четвёртый. Поднял снежные вихри пятый.

— Знай наших!

— Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояла стрелковая рота. Встретили их пулемётным огнём солдаты. Довершили лихое дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из виду. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» — вот и всё, что на память об отважных бойцах осталось.

ПОДВИГ У ДУБОСЕКОВО

Был один из самых тяжёлых моментов Московской битвы.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама...

Здесь на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись в атаку фашистские танки, гудят моторами...

Сосчитал солдат:

— Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

Улыбнулись солдаты: «Орёл политрук!»

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Вступили герои в бой. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты подбили первый танк.

Снова гремит «ура!» Это второй — споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул бронёй и замер. И снова «ура!». И снова.

Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевшие шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

— Поперхнулся, видать, фашист.

— Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты.

Видят, снова идёт лавина. Сосчитали — тридцать.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг...

Ближе всё танки, ближе.

— Друзья, — произнёс Клочков. —

Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

— Понятно, товарищ политрук, — ответили солдаты. — Москва!

Вступили солдаты в битву.

Всё меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко.

Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов.

Нарсутбай Есебулатов убит. Шопиков...

Всё меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Снова поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Обрадовался Клочков. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались героини-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов. Поклонилась им в пояс за это Россия.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама...

Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

ДОВАТОР

Враг рвался к Москве. Фашисты были уверены, что ещё удар — и они сломят сопротивление советских войск.

А в это время Верховное Командование нашей Армии готовило решительное контрнаступление.

И вот оно началось.

Внезапный и решительный контрудар советских войск ошеломил врага, заставил его отступить.

В боях под Москвой принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искрометен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом.

Смотрят станичники на генерала:

— наших кровей — казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

— С Дона.

— С Кубани!

— Терский он, терский.

— Уральский казак, с Урала.

— Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору.

— Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

— Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино за городом Витебском — вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки.

— Шутки комкор пускает.

И снова:

— Терский!

— Оренбургский.

— Донской!

— Кубанский!

— Уральский.

— Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей казак.

Ещё в первые месяцы войны конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи: 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 000 кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 000». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора. 10 тысяч немецких марок получит ловкий.

Рыщут фашисты. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают цену: 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег и славы, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идёт по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышат свист. Кричат в испуге: — Доватор! Доватор!

Услышат удар копыт... бледнеют в панике: — Доватор! Доватор!

Снова повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они умелому. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф — для врагов Доватор.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идёт.

ДОМ

В упорных боях отстояли Москву солдаты. По фашистам теперь сами ударили.

Танковая бригада генерал-майора Каткова стремительно продвигалась вперёд. Догоняли танкисты врага.

И вдруг — остановка. Взорванный мост впереди перед танками.

Случилось это на пути к Волоколамску, в селе Ново-Петровском.

Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто-то по фашистской колонне из пушки, лишь снаряды пустил по ветру.

— Ауфвидерзеен! Прощайте! — кричат фашисты.

— Бродом, — кто-то предложил, — бродом, товарищ генерал, через речку.

Посмотрел генерал Катукон — петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не подняться на кручи танкам.

Задумался генерал.

Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.

— Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, — обратилась она к Катукону. — Там речка уже. Подъём положе.

Двинулись танки вперёд за женщиной. Вот дом в лощине. Подъём от речки. Место здесь вправду лучше. И всё же... Смотрят танкисты. Смотрит генерал Катукон. Без моста не пройти тут танкам.

— Нужен мост, — говорят танкисты. — Брёвна нужны, мамаша.

— Есть брёвна, — ответила женщина.

Осмотрелись танкисты вокруг — где же брёвна?

— Да вот они, вот, — говорит женщина и показывает на свой дом.

— Так ведь дом! — вырвалось у танкистов.

Посмотрела женщина на дом, на воинов:

— Да что дом — деревяшки, полешки. То ли народ теряет. О доме ль сейчас печалиться. Правда, Петря? — обратилась женщина к мальчику. Затем снова к солдатам: — Разбирайте его, родимые.

Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силы. Как же без дома в такую пору?

Поняла женщина.

— Да мы в землянке, уж как-нибудь. — И снова к мальчику: — Правда, Петя?

— Правда, маманя, — ответил Петя.

И всё же мнутся, стоят танкисты.

Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.

— Ну что же, спасибо, — сказал генерал Катуков.

Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам.

Переходят танки по свежему мосту. Машут руками им женщина и мальчик.

— Как вас звать, величать?! — кричат танкисты. — Словом добрым кого вспоминать?

— Кузнецовы мы с Петенькой, — отвечает, зардевшись, женщина.

— А по имени, имени, отчеству?

— Александра Григорьевна, Пётр Иванович.

— Низкий вам поклон, Александра Григорьевна! Богатырём вырастай, Пётр Иванович!

Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад.

Отгремела война. Отшагала смертями и бедами. Утихли её сполохи. Уходит всё дальше от нас война. Но не стёрла память людские подвиги.

Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай-ка в село Ново-Петровское. В той же лощине, на том же месте новый красуется ныне дом. Надпись на доме: «Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершённый в годы Великой Отечественной войны».

Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на светлый мир.

КАКОЙ РОД ВОЙСК СРАЖАЕТСЯ!

Наступают советские армии. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперёд.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любителю.

— Молодцы, молодцы! — приговаривает.

Смотрел, смотрел — и вдруг к офицерам, стоящим рядом:

— Какой род войск сражается?

В это время с криком «ура!» как раз устремилась вперёд пехота.

— Пехота, товарищ командующий, — ответили офицеры. — Пехота — матушка полей.

— Верно, верно, пехота, — соглашается Жуков.

Постоял, постоял и снова:

— Так какой род войск дерётся?

Переглянулись офицеры. Разве не верно они ответили!?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушкари. Нет фашистам от них пощады. А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сравняли с землёй фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам. Ждёт, что ответят ему офицеры.

— Артиллерия, товарищ командующий! — крикнули офицеры. — Артиллерия — бог войны.

— Верно, верно, артиллерия, — соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

— Эх, молодцы, эх, молодцы! — И снова к офицерам с тем же вопросом: — Так какой же род войск дерётся?

Пожали офицеры плечами, как же понять командующего. Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры — ждёт генерал ответа.

Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперёд!

— Танки, товарищ командующий. Танки! — крикнули офицеры.

— Верно, танки, — соглашается Жуков. — Орлы, молодцы танкисты.

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял, постоял и снова:

— Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперёд с ответом. В это время как раз начали атаку советские самолёты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

— Ну, ну, — ожидает ответа Жуков.

— Авиация, — кто-то сказал несмело. — Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

— Верно, — соглашается Жуков. — Слава советским соколам! — Наклонился к своим офицерам и тихо: — Так какой же род войск дерётся?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить.

Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

— Непобедимый, — сказал улыбаясь Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

Одиннадцать тысяч населённых пунктов освободила Советская Армия в боях под Москвой. Разгромила 38 фашистских дивизий. Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила — наша Советская Армия.

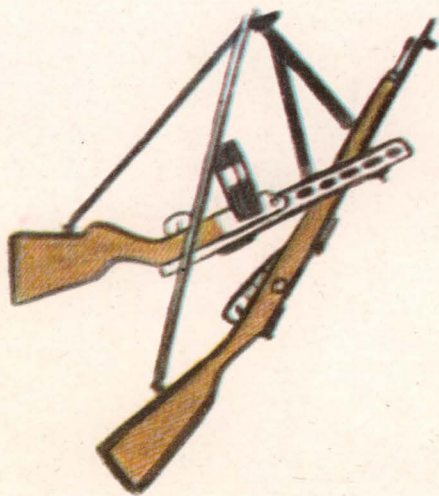
На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков.

Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

— Так какой же род войск сражается? — переспросил командующий у офицеров.

— Непобедимый, — ответили дружно ему офицеры.

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Для младшего школьного возраста

Сергей Петрович Алексеев
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ МОСКВУ

Художник Ю. Копейко

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор Д. Пчелкина. Технический редактор О. Шмалко. Корректор С. Бланкштейн. Сдано в производство 19/XII-74 г. Подписано в печать 31/VII-75 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60X90/8. Печ. п. 4,0. Уч.-изд. л. 4,38. Тираж 300 000. Цена 35 коп. Изд. № 594. Заказ 412. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55. Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

А 70802—009 Без объявл.—75
М102(03)—75